

83.3(2Р)7

п 23

В. З. Михайлова, Д. Н. Харин

ПЕВЕЦ СТРАНЫ

Чайкоа

Я –

камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптаной травы.
Когда-нибудь
Мелькнёт моя зарница,
Здесь кто-нибудь прикалит свой ковчег,
Увидит таганок и удивится:
– Тут был Огонь и Человек!

Министерство культуры Камчатского края
Мильковский районный поисковый клуб
«Камчадалы»

ББК-58.ЭДУ
Р-ПЧ-2016
ЕС-П

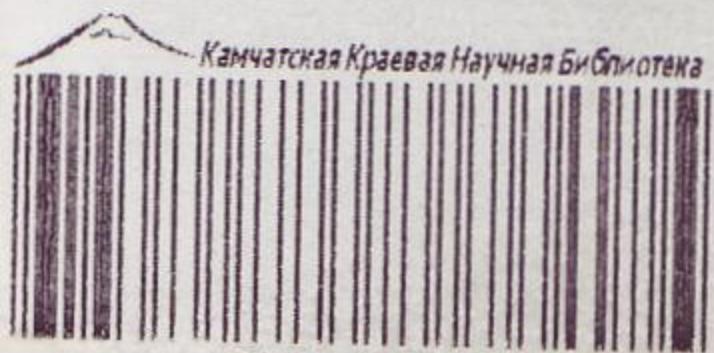
ПЕВЕЦ СТРАНЫ

ЧИКОАЛЬ

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»

2016

Камчатская Краевая Научная Библиотека

%00160644

УДК 82-822
ББК 84Р7-4
П 23

Певец страны Уйкоаль : Сборник / Минкульт Камчатского края; клуб П 23 «Камчадалы». – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2016. – 96 с.

ISBN 978-5-9610-0268-3

Сборник «Певец страны Уйкоаль» посвящен известному камчатскому писателю и поэту, музыканту и фольклористу Г. Г. Поротову, чье 85-летие со дня рождения не так давно отметила Камчатка. Основную часть издания составляют публикации местной прессы, произведения самого Г. Г. Поротова и о нем. Составители, представляющие Мильковский поисковый клуб «Камчадалы», постарались представить разные грани таланта своего знаменитого земляка.

В книге также представлены фотографии Г. Г. Поротова и людей, с которыми он шел по жизни, а так же рисунки мильковских юных художников, проиллюстрировавших произведения знаменитого земляка.

Адресовано широкому кругу читателей.

УДК 82-822
ББК 84Р7-4

Составители В. З. Михайлова, Д. Н. Харин

Ответственный за выпуск В. Е. Тадля

Литературно-художественное издание

Певец страны Уйкоаль

Составители: Виктория Зиновьевна Михайлова,
Дмитрий Николаевич Харин

Редактор Е. Рыбаченко

Корректор А. Белодедова

Оригинал-макет А. Кеваева

Так уж получилось, что принимал меня на работу в Мильковскую культуру Георгий Германович Поротов, занимавший на ту пору пост заведующего отделом культуры РИК. Оформляя на работу в Лазовскую сельскую библиотеку, наставлял: «Люди там хорошие, активные. И ты будь такой. А будешь плохо работать – уволю». Мне он тогда показался уж очень строгим, даже суровым. И только со временем поняла, что это человек широкой души и с добреишим сердцем. Человек, которому далеко не безразлична судьба района, его людей и, особенно, коренного населения. Приезжая в Лазо, никогда не ругал, не отчитывал, а просто рассказывал о том хорошем, что было в работе других библиотек. На вопрос «Почему не проводишь крупные мероприятия?» честно ответила – «Боюсь». Тогда он предложил провести вечер камчатской поэзии. Мы

отобрали всё, что имелось в скучном фонде, распределили роли. Вечер получился весёлый, задиристый. Было много смеха. Так страх проведения подобных мероприятий был преодолён.

Будучи участницей художественной самодеятельности, встречались с Георгием Поротовым на сценических площадках Мильково, Петропавловска, Хабаровска, Магадана. Прогуливаясь по Хабаровску, он с юмором рассказывал о годах юности, о друзьях тех лет, читал не только свои стихи. Много интересного впервые узнала из истории района именно от него. Именно Георгий Германович посоветовал создать «Книгу Памяти» – наш район в годы ВОВ». С теплотой рассказал об участниках боевых сражений. «Книга Памяти» создана. Именно он подал идею проведения вечеров-портретов «Где родился – там и пригодился» – рассказ об интересных мильковчанах. Такие вечера ежегодно проводятся.

Г. Г. Поротов очень мечтал, чтобы на мильковской земле начала возрождаться камчадальская культура. С 1997 года я начала проводить Праздник Первой рыбы, «Алхалалай в долине Уйкоаль». Ведётся картотека «Обиходная речь мильковских камчадалов». Вот и получается, что Георгий Германович был моим наставником, участвуя в становлении меня как специалиста и краеведа-этнографа.

В 1985 году поэта не стало. Но память о нём не меркнет. Мы, клуб «Камчадалы», ежегодно проводим вечера памяти Г. Г. Поротова. Стали собирать газетные статьи о нём, воспоминания мильковчан. Учащиеся художественной школы создали работы по произведениям Георгия Германовича. Всё это решили собрать в альбом «Певец страны Уйкоаль», чтобы оставить память потомкам, потому что верно сказал поэт Юрий Дружинин:

В сердцах людей живёт Георгий
Здесь, на околице Руси.

В. З. МИХАЙЛОВА,
заслуженный работник
культуры России.

Г. Г. ПОРОТОВ (1929–1995) (Памятные даты)

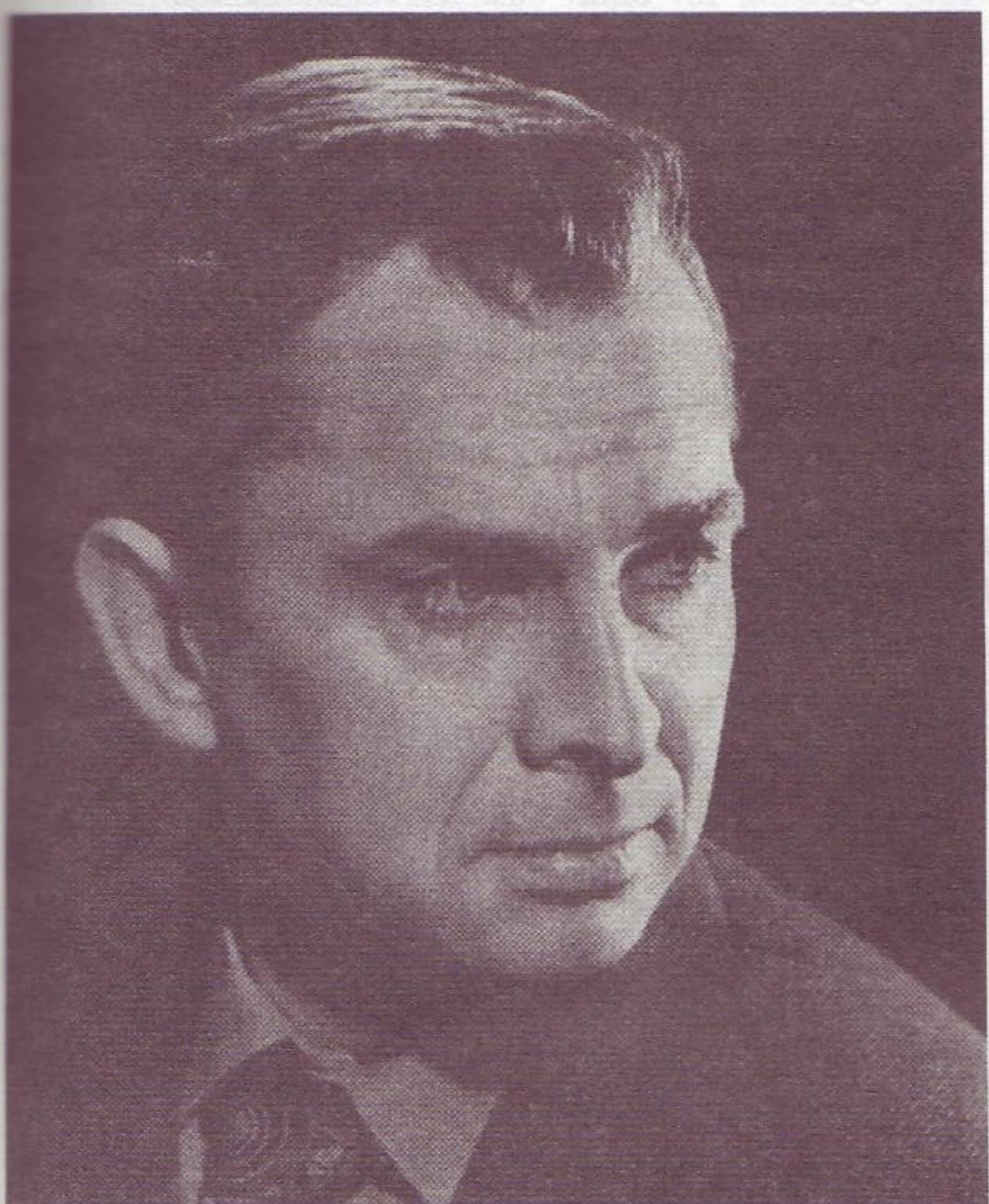
- 1929 г., 3 мая** – родился в г. Елизово Камчатской области
- 1944 г.** – ученик кузнеца-молотобойца МТС (с. Мильково)
- 1945–1948 гг.** – помощник бухгалтера в колхозе «Безбожник» (с. Мильково)
- 1949 г.** – учащийся школы бухгалтеров (г. Благовещенск)
- 1950–1953 гг.** – бухгалтер в колхозе «Безбожник» (с. Мильково)
- 1953–1957 гг.** – учащийся Хабаровской культпросветшколы (г. Биробиджан)
- 1957 г.** – первая публикация – стихотворение «Друзья, на фестиваль!»
- 1957–1959 гг.** – заведующий клубом (с. Мильково)
- 1959–1964 гг.** – директор окружного Дома народного творчества (с. Палана)
- 1964–1976 гг.** – заведующий Мильковским районным отделом культуры, совмещение с работой старшим методистом по национальному искусству
- 1967 г.** – выход из печати первого поэтического сборника «Ое»
- 1967 г.** – награждён орденом Трудового Красного Знамени за вклад в развитие народного искусства
- 1967 г.** – лауреат премии Камчатского комсомола за сборник стихотворений «Ое»
- 1968 г.** – лауреат премии им. Виталия Кручиньского за сборник «Ое»
- 1969 г.** – выход из печати сборника пьес «Корел», где используются ительменские мотивы
- 1969 г.** – выход из печати сборника «Песни Алнея» (в соавторстве с В. Косыгиным)
- 1970 г.** – издание сборников «Дарю тебе песню» и «В стране Кутхи» (в соавторстве с В. Косыгиным)
- 1972 г.** – издание сборника «Акиках, Аичух, Абабах»
- 1975 г.** – выход из печати книги «Песни страны Уйкоаль» (изд. «Современник») с первыми прозаическими опытами
- 1976 г.** – полное сосредоточение на литературной работе
- 1977 г.** – вступление в Союз писателей СССР
- 1979 г.** – выход первой книги «На окопице Руси» – хроники жизни камчатского с. Мильково в годы гражданской войны
- 1981 г.** – выход второй книги «На окопице Руси»
- 1984 г.** – издание поэтического сборника «Камчатский мотив»
- 1985 г., 1 июля** – дата смерти
- 1986 г.** – выход в свет поэтического сборника «Ветер жизни»
- 1990 г.** – издание сборника «Стихотворения и поэмы»
- 1990 г.** – имя Г. Г. Поротова присвоено Мильковской районной библиотеке
- 1991 г.** – Фондом компенсации (в пользу народов Севера) для прозаиков, поэтов, публицистов, драматургов учреждена литературная премия им. Г. Г. Поротова
- 1994 г.** – Фондом компенсации (в пользу народов Севера) подготовлен к изданию исторический роман «Камчадалы»
- 1995 г.** – выход в свет и презентация книги «Камчадалы» (с. Мильково)
- 2003 г.** – выход в свет 2-томника «Сочинения» (изд. «Новая книга»)

По ходатайству Фонда компенсации (в пользу народов Севера) (президент А. И. Белашов) Г. Г. Поротову присвоено звание «Почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского».

В Палане и Петропавловске-Камчатском установлены мемориальные доски Г. Г. Поротову.

Именем камчатского писателя названы две улицы – в краевом центре и г. Елизово и переулок в с. Мильково.

СЛОВО О ПОРОТОВЕ

Алексей Власов

ОКЕАН

Рассовав дневники по карманам,
Ухожу по тропе бережной.
Там Камчатка-река Океану
Бьёт поклон крутолобой волной.
Я хочу его тоже приветить
И просить у Великого в дар,
Чтоб камланием мудрые ветры
Раздували в груди моей жар!
Чтобы петь, как и он, не смолкая,
К новой сказке дорогу торить
И у самого дальнего края
С наслажденьем творить и дарить.

Так говорить с необъятной водной стихией, так восхищаться красотой и безмерной мудростью Океана мог только настоящий поэт. Имя ему – Георгий Поротов.

На берегах Океана давно жили ительмены, коряки и чукчи. Есть неопровергимые данные – сохранились они в северных народных сказаниях и уже записаны исследователями – о том, что эти народы сюда в давние времена приплыли из Индии. Загадочный край, загадочные людские судьбы. Нас всех сюда позвал Океан, иначе как бы мы с вами все встретились.

Из двух народных стихий – ительменской (камчадальской) и русской поэт, этнограф, композитор, фольклорист, музыкант, прозаик Георгий Германович Поротов, чье шестидесятилетие празднуем. В паспорте у него значилось – русский, а в облике было много скучасто-экзотического, хотя дочурки от русской женщины Надежды Алексеевны – уже совсем утратили в своём облике азиатский акцент.

Как же Поротов стал ительменским писателем? А очень просто: тут постарались и журналисты, часто любящие приставлять титулы. А скорее всего, вовсе и не журналисты, а страстная поротовская увлечённость мифологией ительменов. Он её, собственно, открывал заново одним из первых, возможно, вместе с Виктором Шевяковым и Евгением Сигарёвым, Валентином Пустовитом и Владимиром Науменковым. Это теперь все ясно: «Камчадалы на сказки такие же мастера, как и древние греки». Альпинистский клуб называется именем родоначальника ительменов – бога Кутхи (у коряков он – Кукке, Куткынняку). Мы теперь даже знаем, как называется долина реки Камчатки – Уйкоаль. Но как же тяжело было разыскивать подобные сведения Георгию, тяжело и радостно. О национальных корнях в 60-х и 70-х только задумывались, понимая, что без почвы под ногами остаётся одно – болтать ногами в пустоте-пространстве.

Что же такое сам Поротов? Богатырского телосложения и богатырской силы в руках. Удивительный рассказчик, знавший много небылиц и трагических историй, приковывавший к себе в одно мгновение и внима-

ние одного человека в домашней беседе, и внимание тысячного зрительного зала. Гостеприимный человек. Наставник молодых – Нэлли Суздаловой, Владимира Косыгина, Александра Суворова, начинающего драматурга Владимира Шершунова. Всегда бескорыстно снабжавший армию газетчиков самой разнообразной информацией. Литературный судья он был строгий, но Геннадий Струначёв, к примеру, не боялся этой строгости, так как знал, что она – сердечного свойства, поэт мерил жизнь и творчество по самым высоким меркам. И человек высокой нравственности – он не матерился и никогда не говорил на фривольные темы – о женщинах, он был примерный семьянин и абсолютно верный муж. И это он – жрец в храме Аполлона, в храме бога красоты, чувствовавший красоту за три версты, если это сравнение не чересчур натянуто.

Учёные, фронтовики, земляки-камчадалы – всем были рады в поротовском доме: и в новой квартире в городе на Войцешека, и в старом доме, где теперь рядом церковь. Старый дом, возможно, в недалёком будущем станет музеем Георгия Поротова: он долго прожил там, написал ряд произведений, которые навсегда

войдут в сокровищницу литературы. А какой вид на Авачинскую бухту, нередко залитую ярким солнцем, открывается оттуда! И горько одновременно: сейчас, когда контакты между народами укрепляются, сказители Корякии едут в Америку, как нужен Поротов, ведь выступи он перед американцами – почитай им свой цикл об Ое – какое бы наслаждение испытали наши заокеанские друзья. Удивительная земля Камчатка – с чистыми горными реками, богатыми золотоносными недрами, высочайшими вулканами, непорочная, первозданная, словно вылепленная из лучей нирваны, – родила удивительного поэта, чьи песни и стихи звучат ежедневно, обошли и города страны, и города многих стран мира – тут постарались артисты ансамбля «Мэнго». Сегодня ни один самодеятельный коллектив на Камчатке не обходится без поротовских сочинений – песен: «Только заалела зорька на востоке...» и т. д. Древние верили, что рекой ли, горой ли, морем ли владеет дух-хозяин. У каждого холма, у каждого озера – свой владетель. Поротов – дух Камчатки, её lastелин.

Летом 1976 года я заехал в станицу Пуляковскую на Дону к писателю шолоховского направления, близкому

Вечер памяти Поротова в Камчатской областной библиотеке, организованный клубом «Гамулы», 1989 г.

другу Михаила Шолохова – Анатолию Калинину. Он живо интересовался талантами Камчатки. Я говорил о сказителях, художниках – тех, кто составляет гордость Северо-Востока Азии. Но с особым восхищением рассказывал о Георгии Поротове, о том, что он, потомок ительменов и казаков-землепроходцев, испытывает непреодолимую тягу к Дону, хочет проехать от Ростова вверх по реке до станицы Вешенской. Возможно, камчатский поэт (а Поротов для меня прежде всего поэт) хотел побывать в южных степях и потому, что в голове его зрели какие-то художественные замыслы, в той или иной мере связанные с землёй Степана Разина, Михаила Шолохова и, если хотите, Александра Солженицына. Собирались мы такую поездку совершить вместе.

К сожалению, Г. Поротов так и не побывал на Дону. И теперь уже не сможет. В июле 1985 года, в дни, когда хоронили поэта, я в очередной раз летел на свою родину. В районе Елизова – второй родины Поротова сорвал полынь и голубенький цветок сокирки (думал я, что сокирки есть лишь на Дону), чтобы от имени моего умершего друга, коллеги отдать их течению широкого, вольного Дона. Полынь и сокирка стали как бы знаком соединения двух земель – ростовской и камчатской.

Конечно же, Поротов принадлежит, по-первой, Камчатке. Это он воспел её так, как до этого не удавалось никому, открывал и для себя и для других имена забытых литераторов – Фёдорова-Омулевского и жены губернатора Камчатки – поэтессы Мономаховой. Писал о Виталии Кручине, интересовался годами гражданской войны и связями Камчатки с Японией, регулярно читал «Вокруг света», всматриваясь в журнальные экзотические снимки, желая разгадать трудную загадку: откуда камчатские народы? Но то стихи, а в прозе Поротов показал редчайшее (опять такой эпитет, но ничего не поделаешь, без восклицаний в данном рассказе не обойтись никак) знание камчадальского говора, языковой народной стихии долины реки Камчатки, сёл Авачинской бухты, фольклорного богатства эвенов, ительменов, чукчей. И лишь благодаря своему патриотизму Поротов стал явлением интернациональным. Ительмены считают его своим поэтом, русские – своим. «Нет, он наш, – говорят эвены. – Не будь он эвнем, он не писал бы свой эпос об Ое».

Его песни стали народными. Нанайцы считают его «Уток» своими. Его песни поют туристы из Владивостока, космонавты в Звёздном городке. Все мы – свидетели того, как произведения конкретного автора растворяются в душе народа, становятся безымянными, но в то же время обретают высшее бытие, несмолкающую жизнь.

В чём же секрет подобного успеха? Георгий Германович как-то сказал мне: «Я только вернул народу услышанное и записанное от него». Нет, скромная самооценка поэта не соответствовала действительности. Ведь он из крупиц золота создавал не просто мозаику, а монолитное творение, делал значимым то, мимо чего

проходили другие, десятки профессиональных и непрофессиональных литераторов. Он видел в сказаниях и легендах камчатских народов такое небо, которое только после стало достижимым для собирателей-этнографов Михаила Угрина и Владимира Малюковича. Впрочем, сейчас десятки людей увлеклись сбором устного народного творчества, бытующего на полуострове. Это хорошо, но жаль, что с таким запозданием мы бросились спасать островки древнего знания.

Георгий Германович щедро делился своими фольклорными записями, позволял работать в своей домашней библиотеке. И не только своим коллегам-культурно-просветчикам Гусеву и Евгению Егорову. Он помогал материалами и советами писателям Виктору Кудлину и Евгению Гропянову, историку-этнографу ительменке Надежде Старковой. Когда в 1970 году для написания дипломной работы по фольклору Камчатки мне потребовалось как можно большее количество сказок и легенд северян, в том числе и записанных другими, Поротов предоставил мне кров в своей квартире, дал мне возможность свободно работать с собранным им архивным богатством. И мне только приходилось изумляться трудолюбию писателя-фольклориста и красоте эпоса камчатских народов.

Тогда же я узнал, что в Корякском автономном округе живут такие прекрасные сказители, как Варвара Иосифовна Пономарёва, Георгий Миронов, Тамара Кергувье, Татьяна Уркачан, Алексей Лахтой, Антонина Милгинкавав. Поэт говорил, что эти люди и другие помогали ему записывать сказки, переводить их на русский язык. В одно из посещений в доме Поротова я застал Антонину Милгинкавав и Александру Уркачан – сестру Екатерины Гиль из «Мэнго». Я понял, что информация – улица с двусторонним движением: ты обогащаешь сказителей своими мыслями, они тебя – своими. Высшее же счастье человека на земле – это дар общения, свободный обмен информацией, то есть то, что сегодня мы называем не просто свободой слова, а гласностью, открытостью. Поротов уже тогда не только ратовал за полный доступ к информации, боролся с чинушами, скрывающими от взгляда литератора редкие книги и архивы, но и утверждал демократию в области информации на деле – приходи, изучай, пользуйся его архивными накоплениями. У Поротова я учился вести собственный архив, справляться с сотнями папок, вырезок, учился аккуратности и сосредоточенности на одной, генеральной, идее.

Поротов не удовлетворялся достигнутым, горевал, что многих сказителей не успел записать – они ушли из жизни и унесли с собой безграничные знания. Он называл мне фамилии умерших сказителей, от которых или ничего не записано, или записано очень мало. Волновало его состояние дел с национальными языками.

В ту же пору я писал о творчестве Поротова: «Творчество Георгия Поротова до последней строки основано на материале устного эпоса дальневосточных народов... При надлежащем издании его произведений его

имя тотчас встаёт рядом с именами Юvana Шесталова, Рытхэу, Санги». Не раз и не два мы говорили с Георгием Германовичем об устном наследии северян. «Чем больше развивается культура малых народов Севера, – подчёркивал поэт, – тем больше тяга к открытию и познанию национальных духовных ценностей, скрытых в народной мудрости – фольклоре. Фольклор – это корни, ушедшие далеко в глубь жизни человека, но не умершие, а питающие плодоносящее древо искусства».

Перечитываю сейчас отзыв Г. Поротова: «Настоящая дипломная работа А. Власова – первая попытка за последние десятки и десятки лет проникнуть в истоки камчатского фольклора, обобщить его и наметить пути для дальнейших исследований». Помнится, с каким трудом я искал рецензентов для своей дипломной работы: знатоков камчатского фольклора днём с огнём нельзя было найти. И тем более ценен отзыв Поротова.

Он обладал даром провидца. Критиковал «Мэнго» – также и своё детище – за то, что они уходят от корней, слабо переносят на сцену выработанные в течение тысячетелей движения исконных танцовщиц-северянок. И вот недавно из поездки по Америке возвратилась группа корякских сказительниц. Они сказали, что американцев сегодня мало интересуют «металлисты» и профессиональные ансамбли – это они могут и сами сделать, – а волнует их и заботит народное искусство северян, тех, кто занимается обычной трудовой деятельностью и одновременно доносит до современников стародавнее, выверенное веками. Обращение к фольклору – знамение нашей индустриальной эры, и важно сберечь каждое меткое слово, анекдот и побасенку. Пока к вечному источнику красоты мы припадаем стихийно, целенаправленности ни на грош.

Георгия Поротова волновала история родной земли, и он возмущался, когда журналисты с лёгкостью писали, что Камчатку открыли в последнее время, в эпоху интенсивного начала мореплавания.

«Это вы для себя её открыли, – говорил он таким журналистам. – А люди здесь давным-давно жили, так что вы лезете в открытые двери».

И ёщё он любил шутить: «Вот вы, европейцы, говорите, что вы произошли от обезьяны. Оно-то, может, и так. Да только мы, камчадалы, произошли от медведя». У зрителей эта шутка вызывала неизменный восторг.

Поротов обладал редким даром слушать других, и это при том, что сам говорил и говорил – столько много всего в нём было, да и, видимо, торопился выговориться. Он умел разбудить в собеседнике поток воспоминания – сам прекрасный рассказчик. Я всегда с интересом слушал грустные и весёлые его притчи-истории. О том, как он однажды в детстве съел акварельные краски, подумав, что это конфеты. О цыганах, которые проезжали через Мильково на свиньях. О бродячем кукольном театре в годы революции (этой историей я воспользовался при написании стихотворения «Покко-царь» для сборника «Утро земли», вышедшего

в «Советском писателе» в 1980 году).

В то же время мне было интересно следить, как рассказанное вчера сегодня отливалось в поэтические строки. Не забыть трагедийных историй. О собаке, которая мстила убийце за убитого хозяина (эта история потом вошла в книгу прозы Г. Поротова). О женщине, которая утопила соседского ребенка, сошла с ума и потом сама, вместе со своими детьми, утонула в речке Камчатке.

Однажды поэт рассказал мне целую серию поразительно смешных случаев про медведей. Я посоветовал ему написать об этом цикл стихов. Им была написана почти целая книга на эту тему.

Тогда же, в конце шестидесятых годов, когда мы познакомились с ним, я, слушая его рассказы, посоветовал ему писать ещё и прозу. Дало ли это какой-либо толчок, не знаю: я не возвращался больше к тому разговору. Но прозу Георгий Германович стал писать. Да и как он мог не писать её, когда он столько знал. Многие из нас, несомненно, обогатили себя, читая его роман «На окопице Руси». В последнее время он работал над новым романом «Камчадалы». Были у него и другие задумки широкого повествовательного плана, охватывавшие века камчатской жизни. Интересовался он восстанием ительмена Фёдора Харчина, о котором первым из нас, пишущей братии, вычитал у Пушкина.

Поротов торопился: знал ли, что о многом не успеет поведать читателю-современнику?.. И по-прежнему беседовал с людьми, летал из села в село, писал запросы в библиотеки страны и архивы, собирая и копил материалы. Во многом помогала его жена – Надежда. Ещё при жизни большую часть архива он, аккуратно систематизировав, передал в Камчатский областной государственный архив.

Попутно замечу: не слабо ли мы ныне пополняем «поротовский архив», к сожалению, теперь о нём самом. Слабо записываем воспоминания знативших его, даже не сохранилось документальных кинокадров о поэте. Так, не поздно, допустим, Мильковскому музею купить фильм Камчатской телестудии о матери поэта, передававшийся недавно по телеканалу. Уже тема для отдельной книги: «Литераторы Камчатки – о Георгии Поротове». Это был бы хороший подарок для любого камчатского жителя, да и для зарубежного гостя, а мы всё же надеемся, что Камчатка станет и Национальным парком, и одним из центров мирового туризма. Иначе мы поступаем крайне несправедливо: сами ездим по миру, смотрим его красоты, а свои красоты прячем, скопидомничаем, значит.

Поротов знал Камчатку. И трудился ради её сегодня и ради её завтрашнего дня. С негодованием говорил о тех, кто брался писать о Камчатке в многотомных изданиях, пробыв тут неделю-другую, допуская при этом грубые искажения и просчёты. Таких авторов он называл «чайками» – существами, хватающими добычу на лету, без точного знания даже о самом качестве подобной дармовой пищи. Нет, видимо, чтобы писать о том или ином

крае, надо не только долго вживаться в него, а с детства ощущать «травинки трепет в своей груди», тепло нагретой солнцем и вулканами земли под ногами. Поротов серьёзно относился к творчеству, он вёл свою творческую родословную и от Радищева, ехавшего в Сибирь «дорогу проложить, где не бывало следу, для борзых смельчаков и в прозе и в стихах». На вечерах, на встречах с читателями Поротов не уставал цитировать четверостишие заезжего гастролёра, дерзнувшего сказать: «Камчатка, Камчатка! Солёная рыба, вода. Чавыча, горбуша снёт то туда, то сюда». Цитировал не без иронии.

Поротов не назвал мне автора этого поэтического «перла», и он звучал для меня, скорее, как частушка, безлично. Я и не предполагал, и помыслить не мог, что у него и впрямь может быть конкретный создатель. Но вскоре убедился, что Поротов в данном случае не шутил. Мне довелось познакомиться с автором четверостишия в Москве. В Центральном доме журналистов. Молодой мужчина, ответственный работник одной из республиканских газет, он обрадовался тому, что я с Камчатки. Я же, в свою очередь, обрадовался тому, что он бывал на Камчатке. Но едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться, когда он стал читать мне стихи о Камчатке. И надо же было такому случиться, чтобы прочитал он стихи из северного цикла именно те, которые стали расхожей цитатой в выступлениях Поротова. После, в Петропавловске, я рассказал об этой истории Поротову. Мы вместе посмеялись над происшедшим, над нездачливым поэтом.

Вообще же, как вы уже уяснили, Георгий Германович бережно относился к молодым поэтам. Несколько лет назад в одной из столичных газет «маститый» поэт и прозаик, из тех, кого сегодня принято величать «литературными генералами», писал, что ему приходит так много писем от начинающих литераторов, что он не читает их вовсе и не отвечает на них. Не знаю, можно ли этим гордиться. Это же форменное, прямо скажем, свинство и тиражируется без зазрения совести. Поротова, напротив, отличала предельная чуткость и внимательность к тем, кто пробует силы в поэзии. Но и требовательность. Часто добрые советы он давал В. Пустовиту, В. Науменкову, на моих черновиках сохранились его строгие пометки: он требовал музыкальности, лада, гармонии.

Многим, многим помог он. Давал приют. Ведь в городе не всегда была и остаётся возможность устроиться в гостиницу. Легко работалось мне у него на квартире, здесь я написал даже поэму, после опубликовал её, хотя, правда, вижу теперь, что не всё в ней верно – поторопился, за днём старался успеть, а надо было идти на обгон.

Но всегда ли Поротов находил сочувствие? Помню, как он метался по городу в поисках гробокопателей: умер одинокий нотограф-музыкант, некому было рыть могилу, хоронить покойника. Были у него стычки – и не одна – с властью предержащими бюрократами. Он жил и писал «во весь голос», не всем это нравилось, для не-

которых он был неудобным, «неуправляемым» человеком, то есть тем, кто выполняет приказы, осмысливая их, а не бездумно, если вообще-то существуют для поэта эти самые приказы, ведь поэт живет по закону высшей чести и морали – по закону сердца. И среди литераторов находились бездушные чиновники, роботы. Попробуйте опровергнуть меня. Вот скажите, почему Поротов был принят в Союз писателей СССР не спервого захода, а со второго? Литераторы, в принципе, не такой народ, чтобы просмотреть талант. Как же получилось тут, что они просмотрели его? А весь секрет в том, что Поротов шёл от народа, выражал в своём творчестве, как мы привыкли читать в статьях критиков, отчаяния и надежды народа. Он умер в 1985 году. Только-только над страной зажигалась новая заря, наступало время, о котором мечтала его героиня – Завина. Я не встретился с Поротовым в те дни, о перестройке мы с ним не говорили. Но я уверен, что он жаждал перемен, верил в торжество свободы и справедливости, в падение трона абсолютизма и тоталитаризма и был рад волне демократических новшеств. Когда речь шла о несправедливости, он метал громы и молнии. И это человек, удивительно внимательный к людям, к собратьям по перу.

Предчувствовал ли он неотвратимое? Перед своей последней, роковой поездкой в Карагинский район он писал:

Эх, топну ногой
Да притопну другой!
Провалилась ты б, Оссора,
Вместе с Карагой.

У него было большое сердце. Но я уверен: его убила наша эпоха, наш век бессердечного чиновничества, ведь у поэта, перешедшего на литературные хлеба, да и дотоле часто не было даже денег на хлеб. И всё же это был гордый человек, с орлиной внешностью, художник Винокуров – его земляк, камчадал, верно передал на своём графическом рисунке духовную сущность Поротова. У Винокурова тоже было большое сердце. Да на Руси не новость – преждевременная гибель художников, поэтов. Мандельштам в XX веке сказал своей жене: у нас к стихам относятся очень серьёзно, за них убивают. И другой писатель сказал: политика уничтожения поэтов у нас поставлена на государственную основу. Об участии служителей Слова недавно писал в «Литературке» Анатолий Калинин: «Революцию, которой всегда некогда, никто не вправе винить. И всё же не будем забывать, что гении беззащитны».

И думаю: если бы Поротов ничего не писал, ни одной строки, а только одарил бы нас теплом своего сердца, и то мы никогда бы не забыли его... Роюсь в своих архивах, ищу материалы о Поротове, нахожу их. Вот запись моей беседы с актёром областного передвижного кукольного театра Геннадием Петровичем Корсаком. Он тоже с благодарностью в ту пору говорил о Поротове. Корсак рассказывал: «С 30-х годов мы ездим по Камчатке. В Кинкиле, в Лазо – всюду знают

нас и узнают. Поротов тоже говорил: “Мне было семь лет, я помню, когда вы приезжали”. А сейчас этот наш когда-то юный зритель стал известным, большим писателем. Наш кукольный театр поставил две его пьесы: “Корел”, “Весёлый Акан”. Сейчас работаем над новой его пьесой – “Завина”, о камчатской богине утренней зари».

Поротов так же уважительно относился к Корсакам. Он дружил с ними. Он со многими дружил, театралов любил. Дружил с создателем первого ительменского ансамбля Борисом Жирковым. С первым корякским балетмейстером Сергеем Кевевтегиным, недавно возившим песни и танцы Поротова в Индию.

Есть кому хранить о нём память. Но мы, почитатели таланта Поротова, во многом опоздали. У меня даже нет автографа поэта, нам всегда кажется, что и мы, и те, кто вокруг нас, живёмечно. Обошли его вниманием скульпторы и художники. Так и не нарисовал его портрет другой знаменитый камчадал – художник Кирилл Килпалин.

Писать рецензию на последнюю поэтическую рукопись поэта, рекомендовать её к изданию довелось

мне. В ней, как и в предыдущих книгах, ярко проявился искренний, одухотворённый, глубокий голос. И философичный. Он часто называл меня философом, но настоящим философом был он. Я не перестаю удивляться глубокому чувству и подтексту, заложенному в его творениях. В последние годы он увлёкся Далем – философией языка. Примерно об этом я писал в рецензии. И отмечал в ней: Г. Поротов – поэт удачной судьбы в том смысле, что он искал себя не в громком, эстрадного характера слове, а в следовании лучшим классическим образцам. Его стихи просты, но это – кажущаяся простота, простота глаза и солнца. Он наполняет ткань стиха не вычурными образами, а отталкивается от жизни, от фактов своей биографии, биографии камчатских селений – и закрытых, и существующих, ибо – не видевши не напишешь, не выплакав не споёшь. И всё же – вот что удивительно! – он не стремился писать для эстрады, а признание пришло к нему через эстраду. Он – первый бард Камчатки. Но его эстрада иного плана, чем у других шумных бардов и поэтов. Стих Поротова с лукавинкой, с юмором, как настоящий камчадал. Мы все хорошо знаем Поротова времен «Ое».

Первый фестиваль имени Поротова прошел на Мильковской земле, фото Валерия Кравченко

Владимир Санги по праву назвал «Ое» эпосом эвенов. Написанные в песенном ритме, стихи легко читались и с интересом слушались, когда поэт исполнял их с эстрады. Но с каждым годом произведения Поротова становились глубже, философичнее. Поэта волновали проблемы мироздания.

И философически сложный, он остаётся близок нам, читателям с разной культурной подготовкой. В далёком пенжинском селе Слаутном я слушал вечером, как старушка преклонных лет баба Нюра Дьячкова вдохновенно исполняла его песни. Так мастерски мог исполнять только сам автор, да ещё его близкий друг, поэт Владимир Косыгин.

Я не участвовал в похоронах поэта. И потому он перед глазами живой, неукротимый, весёлый. Вот он возвится с внучкой Мариной, играет ей на скрипке «Славянский танец» Дворжака, ительменские и корякские мелодии, читает ей шуточные стихи. И говорит: «Поэт должен нести радость».

И он, поэт, гражданин, нёс эту радость своим творчеством. Помню, как познакомились с ним. В деловой, так сказать, рабочей обстановке. Читали стихи в клубе военных моряков втроём: Поротов, Косыгин-Коянто и я. Все аплодировали дружно, не жалея ладошек, но особенно долго со сцены не хотели отпускать Георгия Германовича. Он уже тогда был сложившимся, цельным, самобытным поэтом. Не зря же годы спустя редактор его московского сборника «Песни страны Уйко-аль» поэт... Юрий Кузнецов не решился поправить ни одной строки: он счёл стихи Поротова совершенными. Этот разговор, кроме меня, слышал Александр Петров. Камчатский поэт, он погиб нелепо: его также убила эпоха застоя, век диктатуры.

О бессмертии творца я говорил в стихах, написанных при жизни его и посвящённых ему:

Дождь иль светлолик простор,
Или снег на плечи,
Ты прикован цепью гор
К родине навечно.
Тишина речке и покой.
Чтоб мы не уснули,
Я готов вслед за тобой
Воспевать гамулов.
Ты богиню красоты
Воскресил, Завину.
И поют, что даришь ты
Горы и долины.
Бьётся пульсом жар ключа,
Море величаво.
И венком из кедрача
Я тебя венчу...
Век, часы свои проверь.
Дни умчали о ны.
И у северян теперь
Есть Анакреоны.

Не сбылось предсказание Фета: «У чукчей нет Ана-акреона, к зырянам Тютчев не придёт». И – слава небу! Скажем же мы о Поротове и словами Горация и Пушкина: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» Я не открою истины, если скажу: настоящие поэты не умирают. Вчера вечером я смотрел на чистое-чистое небо над Паланой. Белые ночи, ни одной звезды на небе. Но одна светит, на западе, там, где только что зашло солнце. Это, если хотите, звезда Георгия Поротова. Он, став звездой, планетой-солнцем, дарует жизнь и радость пространству.

Думал: на этой оптимистической ноте и закончу своё небольшое повествование о большом писателе Камчатки. Однако жизнь дала толчок для нового продолжения. Вечером 21 апреля в Паланском окружном кинотеатре проходил сход. В его повестку был включён и вопрос о переименовании одной из улиц окружного центра. Инициативной группой по проведению поротовского юбилея предлагалось дать этой одной из улиц имя Поротова. Мы надеялись, что никакой проблемы тут не будет. Поэт долгое время жил в Палане, он участвовал в создании буквально всех народных самодеятельных коллективов. Ни один смотр самодеятельности, ни один фестиваль культуры и искусства не проходит без песен Поротова. Его песни звучали в Софии и Берлине, в Париже и Нью-Йорке, в Улан-Баторе и Варшаве. Мы должны испытывать гордость за своего земляка. И всё же в зале кинотеатра при обсуждении вопроса о переименовании улицы раздался лёгкий ропот. Не всем по душе пришла идея. Но кто был против? К сожалению, не рыбаки и энергетики, не оленеводы и строители. Среди голосовавших против была пенсионерка, в прошлом преподаватель русского языка и литературы в местной школе, двое журналистов с окружного радио. Меня и моих соседей по ряду это поразило. Уж эти-то люди должны бы знать творчество земляка, должны понимать его значимость для культуры, искусства. Какими соображениями они руководствовались, понять было трудно. Но факт на лицо. Сход принял положительное решение. 22 апреля «Корякский коммунист» опубликовал решение местных советских органов о переименовании улицы Депутатской в Палане в улицу Георгия Поротова. Что, несомненно, радует. Однако сход всё же показал, что за творчество Поротова предстоит сражение и в дальнейшем. От незнания может случиться такое. Но только ли от незнания?

Это чудо, что мы живём в таком kraю, как наш полуостров, что мы можем слушать песни Георгия Поротова. И полнозвучный голос поэта сливается с необъятным гулом Великого океана. И сам поэт с его творчеством предстаёт перед нами таким океаном, где царит не только необузданная стихия, но и гармония, тайна, красота.

Алексей ВЛАСОВ

СОДЕРЖАНИЕ

«Камчадалы» помнят	5
Г. Г. Поротов (1929–1995). Памятные даты	6
СЕМЬЯ. ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА	
Мать поэта	9
Поротов Г. Рыбный пирог	9
Бережкова-Поротова Н. Доброй памяти Надежды Андреевны Поротовой	10
Поротов Г. Здравствуй, домик у речки!	10
Поротов Г. Всплывает виденьем лоб матери милой.....	10
Поротов Г. Ты уж блудного прости	11
Поротов Г. «В небе дикие лебеди стонут...»	11
Шуплецов Б. Он был страстно влюблён в Камчатку (Рассказ сестры Нины)	12
Сигарёв Е. «Жизнью связано прошлое с новью...»	13
Бережкова-Поротова Н. Памяти брата	13
Бережкова-Поротова Н. С детства привычное имя (из воспоминаний сестры)	14
Поротов Г. Диме	15
Семенова А. Е. «Он был моим двоюродным братом...»	15
Бобровник-Поротова А. Г. «Как он радовал нас!..»	16
«Я В ЖЕРЛО ВУЛКАНА ПЕРО ОБМАКНУЛ...»	
Георгий Поротов: избранное	
Ой, ты, Мильково, наше село (Песня)	19
Ая	19
Золотая рыбка	19
Голос Земли	19
Старая машина	20
Зеленая планета	20
Примета	20
Набат	20
Ительменская песня-танец	21
Бакию	21
Художник	21
Камчадалы (Главы из неопубликованного романа)	22
Боль Северина	22
Начало событий	23
Телеграмма (Глава из романа «На околице Руси»)	26
Лисье стойбище (Рассказ)	28
Унтер Сотников (Отрывок из романа «В медвежьем краю»)	29
О НИХ ПИСАЛ Г. Г. ПОРОТОВ	
Виктор Викторович Михайлов	35
Целую святую землицу	35
Анемподист Ильич Мерлин	36
«Гроза отмыла небеса...»	36
Фаддей Егорович Еланцев	36
Кочевой учитель.....	36

Георгий Петрович Чуркин	37
Гоша-связист	37
Иннокентий Евгеньевич Плотников	38
«Жил веселый парнишка в долине...»	38
Василий Мартынович Нечаев	39
Полонез	39
Виталий Викторович Михайлов	39
Надо мной тополя.....	39
Константин Никитович Решетников	40
Возвращение.....	40

ЖИВЕТ В СЕРДЦАХ ЛЮДСКИХ ГЕОРГИЙ

Толман А. А. Расплата за поэтическое дарование	43
Мартьянова З. В. «Что я помню о Георгии?..»	44
Абрамова Е. П. Веселый и общительный человек	44
Крысина Е. А. Друг моих братьев	45
Носолева В. М. Сальдо-бульдо	45
Мальцев И. П. Зоротов Порка	46
Карелин С. «Жора, приди со скрипкой!»	46
Ворошилов А. М. Игры нашего детства	47
Михайлова П. И. Вот это друг!	48

СЛОВО О ПОЭТЕ

Власов А. Слово о Поротове	53
Пустовит В. Оставаясь в слове	60
Есть «Камчадалы!»	61
Вахрин С. Истоки	61
Михайлова В. З. Певец страны Уйкоаль	64
Струначёв-Отрок Г. Слово о поэте (Из кн. «Жизнесплетений гамма»)	66
Агеев Б. Последний костерок	67
Дружинин Ю. Светлой памяти первого ительменского поэта Георгия Поротова.....	68
На околице Руси	68
Людям северных зорь	69
У ночного костра	69
Утрата	69
Послесловие.....	70
О составителях	94
Содержание	95

Подписано в печать 02.11.2016. Формат 60x84/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.- изд. л. 11,16. Тираж 200 шт. Заказ № 16-02830

Издательство «Камчатпресс». 683024, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а

Отпечатано в ООО «Камчатпресс». 683024, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а
www.kamchatpress.ru